

ТРЕТИЙ КАНДИДАТ

Есть счастливые муниципальные образования в спальных районах, где, кроме социальных проблем, депутатам делить нечего – «пилят» потихонечку бюджет, стараясь не ссориться. Изредка получают «откат» от строительных заказов, но это крохи, смешно говорить, во всяком случае, голова не болит. Сидят себе тихонько до следующих выборов, никого не трогают. А представьте, что на территории вашего образования замерли в торжественной истоме глубокие озера с ключевой водой. Холмистые берега покрыты боровым лесом, подпирающим синеву неба. Под таинственным покровом вдоль звенящих ручьев на мшистых склонах раскинулись заросли черники. Сбор «белых» и «красных» грибов утомляет. Над головой проносятся со свистом стаи уток, где-то рядом звонко стучит дятел.

Да, друзья, такая земля дорогого стоит. Еще в период необузданной демократии «сотка» шла в таких местах за три-четыре «штуки», а сегодня зашкаливает за пятнадцать, двадцать тысяч «зеленых». Представьте и то, что вы как глава имеете прямое отношение к дележу такого сладкого пирога, а ваша должность особенно к моменту окончания срока полномочий – предмет невольных вожделений для многих соискателей. Естественно, «свое» вы просто так никому не отдадите.

Дело было к обеду, когда дверь моего кабинета, где я руковожу охранным предприятием «Соколы Севера», открылась, и в нее не вошел, а влетел приятель моей юности Паша Груздь. Высокий, широкоплечий, по-прежнему стройный, с сияющими глазами, он обнял меня и пригласил в ресторан. Мы не виделись, как говорят, «сто лет». Когда-то бесстрашный и слегка бесшабашный лейтенант, командир отделения разведки спецназа, в сорок лет вышел в запас полковником, закончил академию государственной службы и последние шесть лет работал в комиссии по использованию водных ресурсов. Став чиновником, Паша ценил время и просто так к старому другу бы не заехал. Прежде чем перейти к делу, мы все-таки вспомнили два-три эпизода из нашей бурной юности: Кандагар, «горячие точки». Триста граммов водочки под скромную закуску ушли влет. Я почему-то подумал:

«Если, я сейчас закажу по кружке пива, то мы вряд ли вспомним, для чего приехал ко мне Паша ».

– Ты по делу? – спросил я деликатно, чтобы его не обидеть.

Он хмыкнул и, протянув мне листок, проговорил:

– На, читай.

На стандартном листке с белозубой улыбкой был изображен Павел Груздь в парадном мундире со всеми орденами. Чуть ниже под фотографией сияли яркие слова лозунга «Мы – за Безопасность, Процветание Светлогорского района». Я, конечно, понял все без объяснений: Паша решил подраться на выборах за должность главы района. Шла полным ходом регистрация кандидатов.

– Не делай глупостей. Чтобы там победить, нужны немалые деньги и административный ресурс, – проговорил я со знанием дела.

– У меня есть серьезный спонсор, и я получил полные гарантии у вице-губернатора. Фамилию называть не буду. Но я приехал к тебе не за советом. У меня нет начальника штаба выборной кампании. Я на этой должности вижу только тебя. По деньгам не обижу: в месяц три штуки, после победы – пять, будешь моей правой рукой по распределению земельных участков. Я тебя озолочу. Ну, соглашайся. И не говори, что у тебя нет опыта, мне нужен просто свой надежный человек.

– Паша, но в этом кресле сидит Толстый, его не просто подвинуть, ты лучше меня знаешь, с кем он связан, – пытался я его урезонить.

– Соколов, ты что, сдрейфил? Эту присоску надо гнать. Он весь район подмял и изувечил, – проговорил Паша энергично. – А в отношении моего участия вопрос решенный, назад дороги нет. Деньги упали на счет. Мы выпили еще по двести граммов, «шлифанули» по кружке пива. Беседа потекла нескончаемым нежным потоком. Домой в тот день я пришел под утро. Так бывает, но не часто.

Участвовать в выборной кампании я отказался. Знаете, наступает время, когда деньги, конечно, имеют значение, но не до такой степени, чтобы бегать за очень уж толстым куском хлеба с маслом и икрой. Паша на меня даже не обиделся. Ему было не до меня. Кампания шла полным ходом. За неделю до выборов стало ясно: Паша уходит вперед по рейтингу с большим отрывом от своего главного соперника. Два других известных и достойных соперника по непонятным для меня причинам

свои кандидатуры с выборов сняли. Моя помощь была скромной – информационная база нашей команды работала на победу моего боевого товарища. Я наблюдал за этой бойкой кампанией со стороны, краем глаза. На доброе имя Паши было вылитое море липкой грязи. Меня особенно позабавила одна из листовок оппонента, надпись на которой утверждала, что Паша многоженец и приюты по всей России забиты его детьми. На фотографии был изображен Груздь в окружении четырех жен, судя по лицам, разных национальностей.

Вечером за два дня до выборов раздался зуммер радиотелефона. Голос был далекий, как будто из глубины холодного космоса.

– Карп Николаевич, полчаса тому назад на моих глазах убили Пашу, прошу Вас, приезжайте.

Звонок был от Зои, молодой жены Павла Груздя. Я присел на краешек стула и почему-то вспомнил веселые сияющие глаза друга и подумал: «У него были только одна-единственная и искренне любимая жена Зоя, с которой он прожил лет десять, и двое оленят- детей: мальчик и девочка, а сегодня семья потеряла кормильца».

Пашу похоронили достойно. У его могилы говорили его бывшие и нынешние сослуживцы, и все искренне сожалели: из жизни ушел достойный гражданин России, отличный мужик и верный, искренний друг. Вот только тогда я понял: смерть Паши стала моим личным делом.

Толстый торжествовал победу: устроил концерт детям- инвалидам с раздачей подарков, открыл компьютерный класс, обласкал ветеранов, выдав им по пятьсот рублей, (единомышленникам- депутатам – по три тысячи). Все пребывали в эйфории успеха. На этом торжества не закончились: в узком кругу с руководством района на отдаленной даче победители гуляли несколько дней широко и разгульно.

Я также не сидел «поджав ноги». Мои люди за короткий срок сумели восстановить картину последних недель, и вот что я услышал.

Около 21-го часа за неделю до выборов на квартире кандидата известного сорокалетнего бизнесмена – раздался звонок. К телефону подошла его супруга. Холодный, без эмоций, с хрипотцой голос объяснил ей, обратившись на «ты», что будет с ее очаровательной девочкой, если ее муж в течение завтрашнего дня не снимет свою кандидатуру. На следующее утро бледный, измученный за ночь своей

женой кандидат подал соответствующее заявление в комиссию по выборам.

Второй кандидат был «крепким орешком». Он недавно вернулся из-за рубежа, где последние десять лет развивал свой бизнес. Его жена с ребенком проживали где-то на юге Франции, и у него в кармане были деньги и план превращения района в курорт мирового уровня. Он ориентировался на западные ценности и смутно представлял обстановку в России. Но кто-то напомнил ему о нашей действительности – днем у всех на глазах сгорел его дорогой и нежно ценимый автомобиль. Второго стука в дверь соискатель ждать не стал и на следующий день улетел во Францию, бросив на произвол судьбы начатое дело сотрудников штаба и, естественно, не оплатив их работу. Он даже формально остался в списках кандидатов в депутаты.

Третьим кандидатом был Павел Груздь, который шел напролом и отмахнулся, как от назойливой мухи, и от угроз по телефону, и от факта поджога его квартиры. Он имел за спиной мощную поддержку и по характеру был бесстрашным и уверенным человеком. Я напомнил ему несколько случаев гибели кандидатов в депутаты на прошлых выборах в Светлогорском районе, но он отрицательно покачал головой. «Я любого киллера задушу голыми руками, – проговорил он с улыбкой, – ты же знаешь мои способности», – и отклонил все предложения по усилению мер его личной безопасности.

Со слов жены покойного друга, я представил картину убийства. К сожалению, первый удар битой Паша пропустил и тут же рухнул без сознания. Нападавшие были в масках. Двое держали бившуюся в их руках Зою, а трое, орудуя битами, превратили голову Паши в кровавое месиво. В тот день супруги возвращались из районной прокуратуры, где, по моему совету, Груздь оставил подробное заявление. Это был достаточно емкий документ, в котором были изложены многочисленные факты нарушений закона о выборах Клыковым Захаром Ефимовичем, прозванного в народе Толстым. Например, были зафиксированы факты раздачи его представителями денег избирателям, шантажа тех лиц, кто активно поддерживал Груздю. Конечно, любой суд, рассмотрев эти факты, признал бы Клыкова виновным и принял бы решение снять его кандидатуру с выборов.

Не прошло и часа после беседы Павла Груздя с прокурором, как произошло нападение. Заявление осталось без движения «в связи со смертью заявителя». Знаете, как говорят в народе: «Нет человека – нет дела». Но мне, во всяком случае, стало понятно, кто проинформировал заказчика убийства о визите Павла Груздя в прокуратуру и о содержании заявления.

Вскоре я установил всех героев этой грустной пьесы. Пришлось немножко повозиться, выясняя, кто был исполнителем акции. Им оказался начальник охраны Клыкова, уголовник со стажем Винт. Его опознала жена покойного по редкой татуировке на запястье руки: кошка, играющая со змеей.

И так, в конце рабочего дня я, переполненный информацией об убийстве кандидата в депутаты, сидел за широким столом начальника отдела управления внутренних дел города. Как и в случае с Пашей, с Федором Стражиным меня связывала древняя дружба профессионалов. Нахмутив густые брови, он проговорил низким басом:

– Ну, вываливай, с чем пришел?

– Федя, давай помянем Пашу.

– Я-то не против, – проговорил Стражин теплее и мягче, – но на работе водку не держу.

Через мгновение на приставной столик перекочевала литровая бутылка «Абсолюта», хлеб, палка колбасы, баночки шпрот, огурчиков содержимое моего портфеля. Выпив и закусив, Стражин продолжил:

– Уверен, ты мне, кроме водки еще, что-то принес?

Я без лишних слов передал ему тоненькую папку с информацией. Прежде чем углубиться в текст, Стражин кивнув на бутылку, пробасил:

– Наливай, процесс пойдет лучше. – Через несколько минут, оторвавшись от текста, промолвил: – По-твоему, это факты, а по-нашему – это твои домыслы. Здесь еще работать и работать. У меня с прошлых выборов в отношении Толстого «глухарь» лежит. Ты меня ни в чем не убеждай. Я сам лучше тебя знаю, кто заказал Пашу. Он был не только твоим другом, но и моим. У меня есть одна идея, но потребуется твоя помощь. Ты имей в виду, Толстый – лицо неприкосновенное. Нужно иметь железные улики, чтобы его закрыть. Процедура отзыва мандата депутата крайне сложная.

Водку мы благополучно допили, и я достаточно рано в тот вечер прибыл домой. Прошел месяц.

Как-то утром в разделе хроники региональной газеты я прочел статью с броским заголовком «Главу Светлогорского района обвиняют в убийстве своего зама и распространении наркотиков». Чуть ниже, я с жадностью пробежал глазами интервью специального корреспондента газеты, взятое у начальника убойного отдела города.

Полковник Стражин скупой проинформировал общественность: «Оперативная группа по горячим следам задержала главу муниципального образования Светлогорского района, обвиняемого в убийстве своего заместителя Соскина. В личном автомобиле подозреваемого изъяты орудие преступления: пистолет «Макаров» с глушителем и полкилограмма героина. По версии оперативников, убийство произошло в результате криминальной разборки. Предварительная проверка показала, что Соскин в прошлом трижды судим, и имел контакты с наркодельцами. До окончания следствия по делу Клыков будет содержаться под стражей в следственном изоляторе. Данная мера избрана как особая и применена прокурором города».

Прошло еще полгода. Ранним утром меня разбудил звонок, и я услышал знакомый голос Стражина:

– У меня две новости: одна хорошая.

– Валяй, – проговорил я.

– В следственном изоляторе от сердечного приступа сегодня ночью скончался Толстый. Не дожил бедолага до суда всего неделю.

– А хорошая?

– Сегодня объявили день выборов по Светлогорскому району, и ты меня приглашаешь в ресторан.

– Согласен, – ответил я.

Уже поздним вечером, шлифуя выпитую водочку пивом, Стражин пробасил:

– Послушай, Карп, а не пойти ли тебе самому кандидатом в депутаты на главу Светлогорского района? Место хлебное, а мы тебя поддержим.

Я отказался и подумал, что у депутата должны быть качества, которых у меня наверняка нет.

Дежурный автомобиль управления нежно нес меня в сторону любимой

Петроградской стороны, но я мысленно был еще там – в Светлогорском районе.

Толстый и Винт по пятницам, чтобы обсудить свои темные дела, собирались в достаточно известном районном ресторане. В тот вечер Винт с периодичностью десять-пятнадцать минут бегал в туалет из-за расстройства желудка. Мой информатор, официант, зная его привычки, поил его минеральной водой, предварительно растворив в ней таблетку со слабительным. В очередной раз, когда Винт удобно сел на унитаз, я приоткрыл дверь кабинки и тремя выстрелами в голову прервал его занятие. Через несколько минут пистолет с глушителем и пакет с героином мирно покоились в багажнике автомобиля Толстого. Одно из моих увлечений – перевоплощение. Поэтому я покинул ресторан никем не замеченный и случайный наблюдатель не опознал бы меня.

После этого, я сделал звонок дежурному по управлению внутренних дел. Оперативная группа убойного отдела на место преступления приехала за считанные минуты.

Вы меня, конечно, упрекнете в том, что я действовал не совсем законно. Но справедливо, и для меня это было личное дело.

Я улыбнулся, вспомнив один забавный случай, который хотел рассказать вам и невольно отвлекся от грустных мыслей.